

Сергей ЛЬВОВ

НОВЫЕ РАССКАЗЫ
ИРАКЛИЯ АНДРОНИКОВА

Шалыпин гримируется для выхода на сцену. Властно ощупывает лицо — будто заново его лепит. Резкие мазки грима: вытемнил у переносицы, высветлил над скулами — глаза стали глубокими и пронзительными. Приложил к лицу квадратную, туго завитую бороду...

У двери в уборную Шалыпина стоит молодой актер, жадно, не отрываясь, следит, как в зеркале, словно под кистью художника, возникает образ грозного военачальника Олоферна...

Проходит десятилетия. Молодой актер сам становится прославленным мастером сцены. Воспоминание о встрече с Шалыпиным неизгладимо живет в его памяти. И он рассказывает об этой встрече. Звучит его необычный по тембру, приподнятый и вместе с тем удивительно естественный голос. Как вспышка, неожиданно освещающая самую суть образа, возникает жест. Это голос и жест актера, который навсегда покорила нас в «Отелло» и в «Уриэле Акосте».

Обе встречи — с Шалыпиным и с Остуже-вым произошли в течение тех десяти минут, на протяжении которых писатель Ираклий Андроников исполнил свой новый рассказ «Горло Шалыпина». На сцене не было, разумеется, ни Шалыпина, ни Остужева. Был один Андроников, не похожий — пока не начал говорить — ни на одного из них. Но когда начал, то зал вначале увидел Андроникова, говорящего об Остужеве, потом самого Остужева, потом Остужева, говорящего о Шалыпине, и, наконец, самого Шалыпина.

Увидел и поверил. Поверил не только во внешнее сходство, а прежде всего в художественную достоверность, в правдивость, значительность этих воплощений.

Как это достигнуто?

«Устными рассказами» называет автор и исполнитель то, что мы слышим со сцены. Их язык точен, свеж, весь соткан из образов, подчас неожиданных, всегда доходчивых.

В устных рассказах работает не только слово, но голос и жест, мимика и мизансцена (потому что хотя Андроников на подмостках один, играет-то он сразу за нескольких!). Но не только в слиянии литера-

турного и сценического воплощения секрет воздействия рассказов Андроникова. Все это — отличные художественные средства, но лишь средства для выражения значительного идейного содержания.

Цикл из четырех рассказов об Остуже-ве — не только ряд метких, умно и тонко сделанных зарисовок этого большого актера. Главное в этом цикле — разговор с великих людей и великих традиций русской сцены. Упорный труд и неустанные искания Качалова; русская — от Пушкина идущая — традиция истолкования образа Отелло; острая внутренняя полемика Остужева с Сальвини; наконец, сценический подвиг самого Остужева и многое, многое другое — вот из чего складается этот большой разговор об искусстве.

Об устных рассказах И. Андроникова нужно судить, как о литературных произведениях. Герои этих рассказов не выдуманы, а существуют в действительности. Но это не меняет дела. Ведь произведения о невыдуманных героях — один из самых влиятельных жанров нашей литературы.

О рассказах Андроникова, кроме того, нужно судить, как о произведениях сценических. То обстоятельство, что литературное и сценическое воплощение образа в них неразрывно связано (вещи Андроникова с самого начала рождаются, как устные рассказы), определяет их своеобразие, но не меняет критерия оценки.

Это важно установить, потому что, когда Андроников начал впервые публично исполнять свои рассказы, нередко возникал недоуменный вопрос: «Что же это такое?» Не умея найти настоящего ответа, подчас давали первое, самое поверхностное и самое неверное определение. «Это — имитация». Андроников-де мастерски копирует голос, манеру речи, походку своих знакомых. Вспоминали, что в этом искусстве у него были предшественники — липейский однокашник Пушкина Яковлев, например.

Но если бы все сводилось к тому, что в каком-то рассказе Андроников имитирует некоего Икса, то слушать этот рассказ было бы интересно только знакомым одного Икса. Однако это не так. Вечера устных рассказов собирали и собирают широкую и разнообразную аудиторию.

Люди, ставшие героями рассказов Андроникова, появились в них не случайно. Почти всегда это характеры, изображение которых оправдано их содержанием. Кроме того, эти характеры не просто переносятся из жизни на сцену. Их образы подвергаются значительному художественному переосмыслению, с ними происходит то, что называется «типизацией».

Портретное сходство для Андроникова не самоцель, а лишь одно из средств художественной характеристики образа.

Конечно, были, главным образом среди первых вещей Андроникова, такие, где основная тяжесть лежала на внешней, технической стороне исполнения. Именно таким запомнился рассказ из первой программы «Трижды обиженный» — фейерверк блестящих, почти невероятных перевоплощений, рассказ, который держался на показе различных способов изображения сходства.

Но уже в этой, исполнявшейся почти десять лет назад программе Андроников начал упорные и успешные поиски углубленной характеристики образа, поиски положительного героя.

Его рассказы, раньше преимущественно посвященные людям искусства и литературы, стали тематически разнообразнее. В 1942 году приехавший с фронта писатель показал свою новую работу — цикл рассказов о генерале Чанчибадзе. Не будем бояться слова — это было великолепно!

В рассказах «Ржев», «Слезы полковника», «Путешествие на передний край» и особенно в «Беседе генерала Чанчибадзе с бойцами пополнения» Андроников под впечатлением встречи с Чанчибадзе создавал обобщенный образ боевого генерала, решительного, темпераментного, сурового, но вместе с тем доброго, бесконечно жизнелюбивого и поэтому безгранично храброго.

Твердо и тяжело ступая, Чанчибадзе — Андроников ходил по сцене перед строем только что прибывшего пополнения. (Образ бойцов пополнения он за минуту до этого наметил сам двумя-тремя великими жестами). Генерал говорил: «Пока на поле боя есть хотя бы один танк противника, способный двигаться или стрелять, ни один из вас еще не победитель. И только когда на поле боя будут пылать, как презренные факелы, танки, разбитые вашими бронебойными ружьями, вот здесь можно допустить мысль, что и из этого боя мы, кажется, снова выходим победителями.

После первого сражения я проверю, кто лучше стрелял. Но уже сейчас могу сказать, кто будет лучший. Кто? Вас интересует?.. Все будет лучшее. Худших не будет. Как и подобает гвардейцам».

Были в устных рассказах о Чанчибадзе рядом со «страницами», заполненными мудрыми и красочными военными афоризмами генерала, «страницы» о большой и суровой, стыдящейся внешних проявлений дружбе фронтовиков («Слезы полковника»).

Недавно Ираклий Андроников показал новую программу. Рассказы об Остуже-ве составляют ее часть. Рядом с ними — рассказ «Земляк Лермонтова». Это рассказ о колхознике Исаеве Андрее Ефимовиче, который уже многие годы сторожит склеп, где похоронен Лермонтов. Короткое вступление от автора: «Никогда в жизни не доводилось мне слышать и видеть такого экскурсовода. Не он погружается в прошлое, а Лермонтов существует в его сознании, «как живой с живыми говоря».

Те недолгие минуты, что на сцене Исаев, показанный Андрониковым, наполнены до предела чувством огромного интереса и уважения к колхозному сторожу, который может так говорить о Лермонтове, так понимать литературу. Рассказ Исаева о Лермонтове — смесь живого фольклора и научных представлений, почерпнутых из книг и бесед с работниками Тархановского музея. — дышит и светится глубокой верой народа в то, что Лермонтов — поэт глубоко народный.

Вот Исаев рассказывает о том, как крестьяне деревни Тарханы вышли встретить гроб с телом Лермонтова: «Вышли мы все тут... видим — едет на двух тройках черный гроб, и народу за гробом идет — мгла. И все плачут...». — В этом «мы» и заключена главная мысль рассказа: бессмертие народа и его поэта. Исаев читает стихи: «Дайте волю, волю, волю и не надо счастья мне». Пачка. И потом — задумчиво и убежденно: «Жалко, не дожидло нашего времени. Было б ему и воля, и счастье...»

Рассказы Андроникова немислимы без живого и умного, всепроникающего юмора. Есть этот юмор и в рассказе «Земляк Лермонтова». Устами колхозного экскурсовода лермонтовел Андроников полемизирует с некоторыми другими лермонтоведами. «Лекцию тут приезжал один, читал. Интересно. Но неправильно. Послушать лекцию — выходит, и Михаил Юрич хоро-

ший, и бабушка хорошая, и бабушкин брат Афанасий тоже неплохой. И вся родня. Пеладно так. Ведь стихи-то все-таки не бабушка писала, а Михаил Юрич. Надо бы отличать».

Достоверность интонации тут такова, а справедливость мысли столь очевидна, что зал, не задумываясь, — Исаев ли, Андроников ли говорит это, — отвечает дружным смехом. Он по достоинству оценил ошибочный путь, которым идут некоторые исследователи, настолько увлеченные семейно-биографическими разысканиями, что двоюродные дядя, деды и внуки поэта делают для них не менее дорогими, чем сам поэт.

«Отчет о командировке в Актюбинск» по жанру и манере исполнения отличается от всех остальных вещей программы: в нем главное не показ, а рассказ, не образы людей, а увлекательный отчет о том, как были найдены полторы тысячи редких и редчайших литературных документов.

Однако в этом остро сюжетном рассказе есть и несколько запоминающихся характеров — это характеры отрицательные. Андроников встречает людей, чья своекорыстная жадность и тушесть явились причиной гибели больших культурных ценностей. Случайные владельцы коллекций, они распродали, потеряли, погубили великоленные картины, эскизы, интереснейшие рукописи. В изображении этих собственных Андроников беспощаден. Одна из них рассказывает, как торопливо и жадно записывала в чемодан часть писем Чехова и выбрасывала другие, которые не поместились: «У дедушки писем Чехова связка была огромная. Ну чего, думаю, дам одного Чехова повезу. Развязала пачку: сколько отщипнула — в чемодан, остальное бросила. Но вы должны выйти в мое положение: я торопилась...»

Это произнесено деланно-наивным, нахально-жеманным тоном. Он вызывает отвращение. Сатирически разоблачая этих собственников, И. Андроников бьет тех, в ком еще живут стяжательские инстинкты.

«Актюбинская находка» из всех вещей программы — наименее специфически устная. Она без ущерба может быть записана и напечатана. Но ведь и другие рассказы программы заслуживают массового «гипеража».

Печать донесет только их текст, радио — текст и голос. Участие в киноконцерте — вот что могло бы помочь Андроникову выйти в еще более широкую аудиторию.